

Ли Гу толкнул дверь и застыл на пороге.

Взглянув на развернувшуюся перед ним картину, он чуть опустил стакан, а затем поспешно, как будто ничего не произошло, отвёл глаза.

— Вы ещё будете? — спросил он, стараясь говорить как можно обыденнее. — Мне пора утаскивать Чарльза, пока он совсем не раскис.

Светловолосый барабанщик в хмелю буйным не становился, но дотащить его тушу до дома — то ещё приключение. Тревожить его девушку в такой поздний час Ли Гу постеснялся — они ведь только-только начали встречаться. Пришлось взять эту благородную миссию на себя.

Голос Ли Гу прозвучал отчётливо даже сквозь доносившийся снизу весёлый гул праздника. Юй Сингэ тут же убрал руку с плеча Чэн Цзие. Обернувшись, он непринуждённо улыбнулся и снова затянул старую песню о том, что с алкоголем пора завязывать.

При тусклом вечернем свете Ли Гу скептически окинул его взглядом:

— Ты же пьян.

Юй Сингэ лишь вскинул брови:

— В последний раз.

Прохладный ночной ветер немного прогнал хмель, в голове прояснилось, и даже голос зазвучал твёрже.

— А Ду Цяо? — поинтересовался Чэн Цзие.

Ли Гу удручённо покачал головой:

— Уехала уже. Кроме Чарльза никто не сломался.

Вот и верь после этого громким заявлениям о намерении «перепить всех и каждого» — обычно такие смельчаки первыми и отправляются в нокаут.

Юй Сингэ весело прищурился:

— Представляю, как сестрица Сяо Цяо завтра будет локти кусать.

Впрочем, злоупотреблять и правда не стоило.

Проходя мимо Ли Гу, Юй Сингэ ловким движением выхватил у него из рук стакан. Уже у дверей он обернулся и наставительно произнёс:

— Чрезмерное употребление разрушает нейронные связи.

И сокрушённо покачал головой, изображая крайнюю степень заботы.

Пользуясь тем, что Ли Гу опешил, они выскользнули за дверь. Алкоголь постепенно брал своё, накатывая тяжёлой тёплой волной, так что Юй Сингэ даже не стал оглядываться, чтобы посмотреть на выражение лица друга.

Сгрузив стакан на ближайший столик, он услышал негромкий голос Чэн Цзие:

— Дома ему наверняка устроят головомойку.

— Семейная жизнь, что поделать, — хмыкнул Юй Сингэ.

Он безмятежно улыбнулся и лениво сунул руки в карманы, похоже, сам до конца не понимая, насколько сильно его развезло.

Чэн Цзие протянул ему ладонь:

— Пойдём домой.

Доносившийся снизу праздничный гул не мог заглушить нежность, сквозившую в этих простых словах.

Юй Сингэ без малейших колебаний вложил свои пальцы в его ладонь.

Когда они спускались, студенческое торжество по случаю начала учебного года уже близилось к финалу. Огромный холл, залитый мягким, словно процеженным сквозь вуаль жёлтым светом ламп, бурлил от толчеи. Ладонь кудрявого парня была тёплой, а хватка — на удивление крепкой. Чэн Цзие казалось, что расстояние между ними сократилось до предела.

В сущности, оставался последний шаг.

Нужно было лишь протянуть руку и разогнать туман, окутавший сердце этого мальчишки.

Научить его. Показать, что такое любовь.

Садиться за руль или на байк после выпивки никто не собирался, так что они поймали такси. Ночной воздух на исходе лета растерял прежнюю удушливую жару. Улицы дышали оживлением, залитые неонов витрин и тёплым светом фонарей — предвестниками скорого осеннего расцвета.

Осень медленно, но верно смывала с Цичэна налёт пыльной серости.

Их подъезд встретил привычной прохладой второго этажа. Свет здесь был тусклым, совсем не похожим на яркие ресторанные люстры, а в воздухе отчётливо пахло цветущей мураией.

Навстречу им спускался новый жилец сверху, держа в руках пластиковый пакет с мусором. Заметив в полумраке лестничной клетки двух мужчин, которые стояли вплотную друг к другу и держались за руки, незнакомец на секунду опешил, но тут же по-соседски тепло улыбнулся и приветливо кивнул.

В голове у Юй Сингэ шумело. Душевная сумятица в сочетании с хмелем вымотала его подчистую, поэтому он ограничился лишь вежливым ответным кивком.

Чэн Цзие, собиравшийся достать ключи, замер. На секунду его взгляд задержался на лице незнакомца, тронутым довольно броским макияжем, после чего он сухо поздоровался и отвернулся.

Яркая косметика, легкомысленная футболка с принтом, никак не вяжущаяся с его крупным, крепким телосложением, обилие заклёпок на аксессуарах...

Несмотря на полумрак, было очевидно: перед ними мужчина.

Раньше ни Чэн Цзие, ни Юй Сингэ этого соседа не встречали.

Но стоило Чэн Цзие вставить ключ в замок, как спускавшийся жилец притормозил. Словно вспомнив о чём-то, он обернулся и с дружелюбным любопытством окликнул их:

— Ой, кстати...

Осознав, насколько его собственный хриплый, низкий голос контрастирует с экстравагантным образом, он тут же осёкся и поспешно смягчил интонацию:

— Ребята, вы ведь музыканты, да? Играете в банде?

Неловко кашлянул.

Столь резкая перемена тона в сочетании со слегка фриковатым видом заставила Юй Сингэ на мгновение задуматься.

— Неужели мы так похожи на рокеров? — шутливо поинтересовался он.

В конце концов, глупо судить по внешности. Если уж на то пошло, сам сосед со своими заклёпками и макияжем куда больше подходил на роль безумного гитариста.

Хотя, надо признать, интуиция парня не подвела.

— А, ну да, — сосед явно не ожидал встречного вопроса и затараторил: — Я просто слышал, как у вас гитара играет. Здорово звучит, правда.

Он уже всерьёз начал думать, что этажом ниже поселился какой-нибудь известный столичный музыкант, приехавший в Цичэн за вдохновением.

Юй Сингэ истолковал его слова по-своему. Мягко улыбнувшись, он примирительно произнёс:

— Понял. Мы постараемся шуметь поменьше.

Они ведь действительно не знали, что квартира сверху больше не пустует.

— Да нет, что вы, я совсем не к тому! — замахал руками парень и смущённо поскрёб затылок. Видимо, решив, что уходить вот так невежливо, он торопливо добавил: — Мне, наоборот, очень нравится. Если у вас намечается концерт, я бы с радостью заглянул!

В его выговоре чувствовался явный акцент — в Цичэне так не разговаривали.

Чэн Цзие сразу понял, что перед ними приезжий, но из вежливости негромко поблагодарил его за тёплые слова.

Обменявшись ещё парой дежурных фраз, сосед наконец поспешил вниз со своим пакетом, который явно копился не один день. Двигался он легко и стремительно.

Правда, в голове у него всё ещё крутились смутные догадки — уж больно странное напряжение висело в воздухе между этими двумя.

Юй Сингэ полез в карман за ключами. Затуманенный алкоголем мозг неохотно отдавал команды телу, отчего пальцы двигались медленно и неуклюже. Ему потребовалось немало

времени, чтобы нащупать связку.

Чэн Цзие вместо того, чтобы войти к себе, остался стоять на пороге, прислонившись спиной к косяку и не отрывая от него пристального взгляда. Не будь Юй Сингэ все-таки немного трезв, этот взгляд окончательно сбил бы его с толку.

Распахнув наконец дверь, Юй Сингэ обернулся:

— Что-то не так?

Чэн Цзие и сам не мог до конца разобраться в собственном сердце. В этот прохладный вечер чувство, казавшееся несбыточным и бесконечно далёким, вдруг приоткрыло для него завесу, пропустив робкий луч света.

Вот оно как, значит.

Радость то и дело грозила прорваться наружу счастливой улыбкой, но Чэн Цзие сдержался и лишь покачал головой:

— Ничего. Всё в порядке.

До победы оставался всего один шаг.

И этот шаг требовал выверенного, деликатного и абсолютно естественного подхода.

Нужно было затаить дыхание и с ювелирной точностью опустить на чашу весов последний груз. Пускай она качнётся, увлекая за собой чувства этого мальчишки — послушно, до последней крупички, прямо ему в руки.

Он заберёт то, чего так страстно желал, и наконец отпразднует триумф.

От одной этой мысли на губах сама собой играла улыбка.

Сладок миг предвкушения победы, и сдерживать ликование становилось всё труднее. Чэн Цзие сделал глубокий вдох, стараясь сохранить самообладание под этим обезоруживающим, слегка нетрезвым взглядом. Положив ладонь на дверную ручку, он пригасил вспыхнувшую в глазах нежность и негромко спросил:

— Ты сегодня счастлив?

Юй Сингэ не подозревал, какие мысли роятся в чужой голове, но рядом с Чэн Цзие он всегда

отвечал искренне:

— Конечно.

Его глаза сощурились в улыбке. Он непринуждённо вынул свободную руку из кармана.

— Каждый день рядом с тобой делает меня счастливым.

Что ж, скрывать правду он никогда не умел.

— И мне очень хочется, чтобы ты тоже был счастлив.

Он произнёс это так легко, словно и не заметил, насколько двусмысленно и интимно прозвучало его признание. Воздух в подъезде мгновенно изменился.

Едва уловимый запах древесной стружки внезапно сгустился, заполнив всё пространство. Они стояли друг напротив друга. Двери в обе квартиры были приоткрыты, скрывая проёмы в густых тенях коридора, но ни один из них не спешил переступить порог.

Чэн Цзие невольно задался вопросом:

«Скажи он это на трезвую голову, звучало бы так же?»

И это имело для него колоссальное значение.

Но куда важнее было заставить самого Юй Сингэ осознать: то, что между ними происходит, давно вышло за рамки обычной дружбы. Это было нечто иное — глубокое, пугающее и доступное лишь тем, кто искренне влюблён.

До этого момента Юй Сингэ слепо блуждал в потёмках собственного сердца, но сейчас ещё не поздно открыть ему глаза.

Он заставит его понять.

Чэн Цзие едва заметно усмехнулся. В полумраке лестничной клетки его вкрадчивый голос прозвучал чертовски искушающе:

— А если бы на моём месте был кто-то другой? Ты бы тоже радовался каждому дню?

Он понизил голос до шёпота, точно поверял ему самую сокровенную тайну.

Чертов манипулятор.

Юй Сингэ замялся, его пальцы, сжимавшие дверную ручку, едва заметно напряглись. Тень от его ресниц всколыхнулась. Он колебался лишь мгновение.

А затем упрямо мотнул кудрявой головой:

— Нет. Ты особенный. Самый особенный.

В этих словах сквозила такая отчаянная, непреклонная убежденность, что поверить, будто это говорит пьяный человек, было решительно невозможно.

Чэн Цзие тихо, бархатисто рассмеялся.

Этот смех унёс последние сомнения. Полученный в это мгновение ответ стоил всех тревог мира.

Собственные прежние метания, страх сделать неверный шаг и нерешительность теперь казались ему глупыми и мелкими.

Но сейчас это не имело значения.

Ни один человек не устоит перед возможностью сорвать столь сладкий плод.

Он медленно протянул руку и коснулся щеки парня. Тусклая лампочка над головой недовольно затрещала, готовая вот-вот вспыхнуть ярче, укутывая их в атмосферу старого, засмотренного до дыр кинофильма — сцену долгожданной встречи в пыльном полумраке придорожного отеля.

— Ты действительно ничего не замечаешь? — Чэн Цзие заглянул ему прямо в глаза. Они были одного роста, и их взгляды встретились. Большой палец мягко очертил скулу Юй Сингэ. От прикосновения к гладкой, нежной коже взгляд Чэн Цзие потемнел.

Он загнал его в угол своим вопросом.

Неужели тот действительно не понял, какой смысл крылся в его собственных словах?

Пойми же наконец. Признай это.

Чэн Цзие действовал на грани фола — расчётливо и безумно смело.

Таков уж был его характер: если он нацелился на что-то, то не отступит и не отпустит. Никогда.

Тем более теперь, когда стало ясно — его чувства взаимны. Просто этот глупый мальчишка ещё не разобрался в себе.

А раз так, его нужно слегка подтолкнуть. Заставить признаться.

Чэн Цзие чуть сильнее надавил ладонью на его щеку, прикрыл на миг глаза, а затем снова поднял взгляд. Его губы тронула мягкая, обманчиво нежная улыбка.

Юй Сингэ застыл. Время вокруг них словно остановилось, превратив сцену под тусклым светом в старинное полотно, написанное густыми, тягучими масляными красками.

Даже их дыхание замедлилось.

Воздух сделался настолько густым от сладкого напряжения, что игнорировать его было сродни безумию.

Пытаться притвориться, что ничего не происходит — значит лгать самому себе. А тот, кто первым начинает играть в прятки с собственным сердцем, обречён до конца дней мучиться чувством вины.

И навеки лишиться душевного покоя.

На лице кудрявого юноши проступило замешательство. Одурманенный алкоголем и близостью, он растерялся, не в силах связать и двух мыслей.

Словно не зная, куда деть руки, он первым нарушил эту звенящую тишину:

— Ты пьян... Нет, то есть это я... я перебрал.

В этой тесной близости Чэн Цзие отчётливо слышал, как бешено колотится чужое сердце.

Оба они сейчас стояли на самом краю зыбкого болота. Один неверный шаг, одна уступка в этой безмолвной дуэли взглядов — и они рухнут в омут чувств, откуда уже не выбраться.

Вокруг расстилалась бескрайняя, заросшая камышом пустошь. На сырой земле не было чужих следов — лишь они двое и неоспоримая правда их общих чувств.

Этот робкий испуг и был предвестником зарождающейся любви.

Юй Сингэ перехватил запястье Чэн Цзие, собираясь что-то сказать, но ровно через секунду — точнее, через одну целую и семьдесят восемь сотых секунды — лампа над ними с сухим треском вспыхнула на полную мощность.

Снизу вернулся сосед, выбросивший мусор. В пальцах у него дымилась сигарета.

Поднявшись из тёмного пролёта, парень замер на верхней ступеньке, удивлённо глядя на живописную мизансцену. Он недоумённо свёл брови к переносице, но всё же вежливо поздоровался.

В глазах Юй Сингэ промелькнуло мимолётное смятение, однако он мгновенно взял себя в руки.

Интимное уединение было разрушено. Сосед даже не подозревал, что бесцеремонно взбаламутил глубокий, тихий омут. Проходя мимо, он заметил, как поспешно эти двое отстранились друг от друга.

«Ого, как близко стоят... Неужели они вместе?»

Такая мысль пронеслась в его голове — озадаченная, но вполне естественная.

За те три с половиной минуты, что ушли на подъём до верхнего этажа, он успел расслышать шорох одежды при неловком прощании, шелест ветра в листве за окном, преувеличенно спокойные пожелания доброй ночи и тихий, будничный стук закрывающихся дверей.

Этого короткого аудиоряда вполне хватило, чтобы воображение дорисовало остальное.

Сосед лениво стряхнул пепел. Прежде чем упасть на ступени, серые хлопья подхватило сквозняком и унесло прочь, оставив лишь крошечные, гаснущие на лету искры.

Из узких оконных рам лился яркий звёздный свет. Парень бросил взгляд на ночное небо и тут же выбросил увиденное из головы.

«Раз у них банда, надо будет как-нибудь выпросить пластинку послушать, — подумал он. — Я ведь тот ещё меломан»

Звёзды в эту ночь светили на удивление ярко. Юй Сингэ заметил их сквозь стекло в то самое мгновение, когда притворял за собой дверь. Стоило ему поднять голову, как бледный небесный луч скользнул по комнате и лёг ровно на разложенные на стеклянном столе нотные листы.

Чёрные значки на бумаге словно ожили, пускаясь в пляс.

И он снова подумал о Чэн Цзие.

В этом человеке он раз за разом находил отголоски собственного прошлого. Тот же звёздный свет, что много лет назад заливал двор приюта; исписанные торопливым почерком нотные тетради; бесконечные дни и ночи, проведённые наедине с музыкой; или тёплый, напоённый солнцем день в родном краю, где время текло неторопливо, как чистый ручей.

Чэн Цзие заставлял его помнить о том, кем он был на самом деле.

<http://bllate.org/book/18241/1765506>